

Отечественная история

УДК 94(47+438)

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-12-21

Национальная польская школа и российская бюрократия: 1905–1907 гг.

Александра Ю. Бахтурина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, b-a-t13@mail.ru*

Аннотация. История движения за национальную польскую школу в 1905–1907 гг. долгое время являлась частью исследований по истории Первой русской революции, отдельно изучалась «школьная забастовка» в Царстве Польском, но позиция верхов российской бюрократии в этом вопросе детально не рассматривалась. В статье рассматривается эволюция позиций верхов российской бюрократии по вопросу о преподавании на польском языке в учебных заведениях Царства Польского в годы Первой русской революции. Впервые показаны различия в позиции официального Петербурга и губернской администрации Царства Польского. Губернская администрация была более заинтересована в достижении стабильности в крае либеральными методами и была готова к уступкам, когда члены Совета министров и император сначала занимали неопределенную позицию. На основе анализа межведомственной переписки, часть которой впервые вводится в научный оборот, делается вывод о том, что колебания царского правительства в решении вопроса о национальной польской школе не способствовали стабилизации ситуации в регионе в годы революции, а победивший в итоге либеральный курс не дал ожидаемого эффекта.

Ключевые слова: революция 1905–1907 гг., Царство Польское, национальная польская школа, школьная забастовка, Г.А. Скалон, И.И. Толстой

Для цитирования: Бахтурина А.Ю. Национальная польская школа и российская бюрократия: 1905–1907 гг. // История и архивы. 2021. № 2. С. 12–21. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-12-21

National Polish school and Russian bureaucracy, 1905–1907

Alexandra Yu. Bakhturina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, b-a-t13@mail.ru*

Abstract. The history of the movement for a national Polish school in 1905–1907 was for a long time a part of research on the history of the first Russian revolution; the “school strike” in the Kingdom of Poland was studied separately, but the position of the top Russian bureaucracy on that issue was not considered in detail. The article considers an evolution in the positions of the top Russian bureaucracy on the issue of teaching in Polish in the schools of the Kingdom of Poland during the first Russian revolution. For the first time, the differences between the positions of official Petersburg and the provincial administration of the Kingdom of Poland are shown. The provincial administration was more interested in achieving stability in the province by liberal methods and was ready to make concessions when the members of the Council of Ministers and Nicholas II initially held an ambiguous stance. Based on the analysis of the interdepartmental correspondence, part of which is introduced in the scientific circulation for the first time, it is concluded that hesitation of the tsarist government in resolving the issue of the national Polish school did not contribute to the stabilization of the situation in the region during the revolution, and the winning liberal course did not have the anticipated effect.

Keywords: revolution of 1905–1907, Kingdom of Poland, national Polish school, school strike, G.A. Skalon, I.I. Tolstoy

For citation: Bakhturina, A.Yu. (2021), “National Polish school and Russian bureaucracy, 1905–1907”, *History and Archives*, no. 2, pp. 12–21, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-2-12-21

Введение

Создание национальной школы в Российской империи в начале XX в. стало одним из существенных элементов политической агитации и политических устремлений общественно-политических деятелей. Расширения преподавания на национальных языках требовали различные общественно-политические группы. В этом смысле стремление к преподаванию на национальных языках было вызвано самыми разными целями: от задачи укрепления отдельных национальных диаспор до борьбы за национальную автономию. В Царстве Польском движение за национальную школу в годы

Первой русской революции приняло массовый характер, став частью движения за польскую автономию и в конечном счете восстания национальной государственности.

Движение за национальную школу в течение длительного времени рассматривалось в контексте истории Первой русской революции в губерниях Царства Польского [Тымовский, Кеневич, Хольцер 2004], где непременно указывается на «школьную забастовку» 1905 г., ставшую важной фазой движения за национальную школу и преподавание на польском языке во всех учебных заведениях Царства Польского. Также «школьная забастовка» являлась объектом самостоятельного исследования, но при этом эволюция позиции царского правительства и верхов российской бюрократии в вопросе о национальной польской школе не рассматривалась. Авторы подводят итог исследованиям, указывая, что под влиянием забастовочного движения правящие верхи пошли на уступки, что безусловно, верно, но не отражает всего спектра полемики в среде высшей бюрократии по вопросу о национальной польской школе.

«Школьная забастовка», царское правительство и администрация Царства Польского

В Царстве Польском после восстания 1863 г. проводилась последовательная политика распространения русского языка в образовании и делопроизводстве, в результате которой к началу XX в. сфера применения польского языка ограничивалась рядом правительственных распоряжений. Ответной реакцией стало институциональное оформление движения за национальную школу: был создан «Союз национализации школы» – молодежная организация в Варшаве. И именно он в 1905 г. призвал к бойкоту русской правительственной школы вплоть до введения в ней преподавания на польском языке. В феврале 1905 г. в Царстве Польском началась так называемая школьная забастовка. Ее начало и развитие по-разному интерпретировалось в российской периодической печати. «Новое время» 16 февраля 1905 г. сообщало, что 6 февраля на собрании родителей в Варшаве была составлена и передана попечителю Варшавского учебного округа А.Н. Шварцу резолюция о закрытии всех учебных заведений впредь до восстановления польской школы. Эту информацию опровергала газета «Русь». Газета обращала внимание читателей на то, что никаких антиправительственных акций в Варшаве нет, а «Новое время» нагнетает ситуацию. По версии «Руси», представители «уважаемых людей Варшавы» обратились к Шварцу с просьбой созвать собрание и обсудить вопрос о польской школе. На собрание пришло около 2 тыс. участников. Попечитель

Варшавского учебного округа поддержал идею введения преподавания в школах на польском языке «для столь самостоятельного в своей культуре и всесторонних успехах народа, как поляки». Но никаких административных возможностей для немедленного введения польской школы у Шварца не было и он предложил родителям учащихся дожидаться официальных решений и прекратить бойкот школы. Но собрание с предложением Шварца и по версии «Руси», и по версии «Нового времени» не согласилось, и «школьная забастовка» продолжилась¹, распространилась на другие губернии и города и стала общепольской уже в феврале 1905 г.

Народно-демократическая партия, партия реальной политики, Польская прогрессивная партия, Лига независимости Польши призывали население бороться за польскую школу и продолжать бойкот русских учебных заведений².

Студенты и гимназисты требовали преподавания на польском языке и демократизации школы³. Среди населения распространялась прокламация «Прогрессивной молодежи средних школ Царства Польского», где, с одной стороны, говорилось, что польская школа должна иметь национальный характер, но, с другой, не исключалось право других национальностей иметь свою национальную школу⁴. Характерным моментом движения за национальную польскую школу в 1905–1907 гг. стало присоединение к движению крестьянства, когда «стали очевидными результаты процесса формирования национального сознания деревни на протяжении 30 лет после Январского восстания» [Тымовский, Кеневич, Хольцер 2004, с. 377].

Представители умеренной общественности требования польской школы связывали с идеей государственной пользы, проводя мысль о том, что русский язык не должен навязываться школе принудительно, а «народная, т. е. польская школа будет звеном, связующим польское и русское общество, и воспитает граждан, стоящих на страже общегосударственных и национальных интересов»⁵.

Представители консервативных монархических кругов высказывались против польской школы, отмечая, что это движение не должно получить никакой общественной и правительственной под-

¹ Русь. 1905. № 41. 17 февр.

² ГАРФ. Ф. 1210. Оп. 1. Д. 72. Л. 5.

³ Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917 гг. М., 1976. С. 376.

⁴ Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г. М., 1956. С. 196–197.

⁵ К вопросу о реформе общеобразовательной школы в Царстве Польском. М., 1905. С. 8.

держки, поскольку наличие любых национальных школ ведет к разрушению государственного единства, основой которого является государственный язык⁶.

Различие во взглядах на развитие польской школы имело место и в среде высшей российской бюрократии. Первоначально требование национальной школы в Царстве Польском рассматривалось как отражение «чрезмерных притязаний» «некоторых кругов польского общества». Именно так высказался в рескрипте от 14 марта 1905 г. на имя варшавского генерал-губернатора генерал-адъютанта К.К. Максимовича Николай II. В документе говорилось, что не должно быть «несправедливого стеснения языков местных», но указывалось, что Царство Польское должно находиться «в неразрывном единении» с «остальными частями Российской державы»⁷. Рескрипт отражал на тот момент позицию правящих верхов и весьма четкое понимание того, что движение за национальную школу означает движение за национальную государственность. Русский язык рассматривался как важнейший связующий компонент государственности, обеспечивавший единство империи. Хотя из рескрипта следовало, что в марте 1905 г. правительство не было готово к немедленным уступкам, но вопрос обсуждался. Итог этих работ был обнародован 6 июня 1905 г. в Положении Комитета министров «О порядке выполнения пункта 7 Именного высочайшего указа 12 декабря 1904 г. в отношении губерний Царства Польского».

Постановление затрагивало вопросы употребления польского языка в преподавании и делопроизводстве. В нем говорилось, что на польском языке возможно преподавание римско-католического закона Божия и польского языка⁸.

*Варшавский генерал-губернатор Г.А. Скалон,
министр народного просвещения В.Г. Глазов
и польская школа*

В августе 1905 г. варшавским генерал-губернатором был назначен помощник командующего войсками Варшавского военного округа генерал-адъютант Г.А. Скалон [Бахтурина 2013, с. 280]. Он вступил на этот пост в сложное время, когда революционное движение в Царстве Польском развивалось, К.К. Максимович был

⁶ Истомин В.А. Современное положение «польского вопроса» в Привисленском крае. М., 1905. С. 12–13.

⁷ Правительственный вестник. 1905. 16 марта.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1905. Собр. III. Т. 25. Отд. 1. № 26368. С. 437–438.

отправлен в отставку, поскольку не сумел овладеть ситуацией. Приступив к исполнению своих обязанностей, Скалон сразу обратил внимание на продолжавшуюся борьбу за национальную школу и попытался урегулировать ситуацию частичными полумерами. В письме министру народного просвещения В.Г. Глазову от 31 августа 1905 г. Скалон предложил предоставить частным учебным заведениям Царства Польского права преподавания на польском языке всех предметов, кроме русского языка, истории и географии. При этом он ссылался на мнение императора. Сразу заметим, что эти права, по предложению Скалона, могли получить только частные школы, не пользующиеся правами казенных учебных заведений. Относительно казенных школ Скалон писал, что в младших классах преподавание всех предметов, кроме русского языка и географии, могло бы идти на польском языке, в средних на русском языке могла бы преподаваться половина предметов, в старших – все без исключения. По сути, Скалон таким образом проектировал постепенный переход с польского на русский, сохраняя позиции государственного языка.

Для русского населения генерал-губернатор предлагал оставить несколько средних учебных заведений с преподаванием только на русском языке, а в прочих гимназиях для русских детей открывать параллельные отделения низших классов. Несмотря на ограниченный характер предложений Скалона, В.Г. Глазов их отверг⁹. Но, видимо, Скалон действительно опирался на мнение Николая II, готового в октябре 1905 г. к уступкам. Его предложения о преподавании в частной школе были реализованы в высочайшем указе Сенату 1 октября 1905 г., где разрешалось преподавать ряд предметов на польском и литовском языках в частных школах Царства Польского. Министры народного просвещения и финансов могли разрешать преподавать в частных школах на польском и литовском все предметы, кроме русского языка, истории и географии России. Последние включались в число обязательных предметов и могли преподаваться исключительно на русском языке¹⁰. Также говорилось, что указ является временной мерой и что он будет действовать до появления законодательства, обеспечивающего выполнение Положения Комитета министров от 6 июня 1905 г.

⁹ Факты, характеризующие политическое движение в Царстве Польском после 17 октября 1905 г. Варшава, 1905. С. 30.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1905. Собр. III. Т. 25. Отд. 1. № 26756. С. 710–711.

*Манифест 17 октября 1905 г.
и развитие движения за национальную школу*

Публикация манифеста 17 октября 1905 г. подтолкнула антиправительственное движение в польских губерниях, где наряду с требованиями политической автономии с новой силой зазвучали призывы к немедленному переходу школ к обучению на польском языке.

В различных городах Польши началось движение за переход к делопроизводству и обучению на польском языке. В Варшавской губернии в первой половине ноября были прекращены занятия в 66 школах¹¹. 21 октября учителя начальных школ г. Варшавы на общем собрании постановили, что во исполнение данных манифестом 17 октября 1905 г. конституционных свобод необходимо начать преподавание всех предметов на польском языке. 14 ноября в Варшаве состоялся съезд польских учителей народных школ, принявший резолюцию об обязательном обучении на польском языке в начальной школе. В документе говорилось, что «все распоряжения Учебного округа, противоречащие вышеприведенным принципам, должны игнорироваться учителями»¹².

В этой ситуации правительство идет одновременно по пути репрессий и уступок. На пост министра народного просвещения в октябре 1905 г. назначается И.И. Толстой, заявлявший о себе как стороннике равноправия всех народов Российской империи, с одной стороны, а с другой – 28 октября 1905 г. император вводит военное положение в десяти губерниях Привисленского края. На посту министра И.И. Толстой начал продвигать свой проект по изменению системы преподавания в Царстве Польском, касавшийся не только начальной и средней, но и высшей школы.

24 декабря 1905 г. он обратился к Витте со своими предложениями. Как и Г.А. Скалон, Толстой считал, что ограничения в преподавании на польском – источник всех антиправительственных выступлений в крае: «Здесь школа, начиная с 60-х годов, преследует побочные цели – политические, выражающиеся в стремлении обрусить польское юношество. Не достигнув и этой цели, она лишь озлобила польское население, которое в 1905 г. в порыве сильного негодования перестало посылать своих детей в школу» [Дякин 1998, с. 368]. Относительно средней школы проект Толстого сводился к тому, чтобы разделить правительственные школы на две группы: первую с русским, вторую с польским и литовским языками

¹¹ Факты, характеризующие политическое движение в Царстве Польском после 17 октября 1905 г. С. 10–11.

¹² Там же. С. 11.

преподавания. В польских и литовских школах русский использовать только для изучения русского языка и словесности, географии и истории России. В школах с русским языком преподавания также преподавать польский язык и католический Закон Божий по-польски, а также ввести польский язык в большинстве низших учебных заведений, сохранив русский или введя литовский в зависимости от состава населения конкретных местностей [Дякин 1998, с. 371]. Толстой считал, что такая реформа образования удовлетворила бы умеренные круги польского общества. В основе его проекта лежала записка о реформе польской школы, составленная профессором Петербургского университета Л.И. Петражицким. Записка Петражицкого была по распоряжению Толстого переписана целиком, им подписана и представлена в качестве проекта в Совет министров. Витте одобрил проект, но считал, что немедленно начать реформу нельзя, а также требуется заключение варшавского генерал-губернатора¹³.

Витте направил записку Толстого Г.А. Скалону. Скалон расценил предложения Толстого как шаг к польской автономии, ответив, что создание польской школы возможно только в случае предоставления Польше автономии, иначе это будет непродуманным и поспешным решением.

Скалон считал принцип полной национализации школы неприемлемым. Обучение на родном языке, по его мнению, возможно только в начальной школе, но и там должен преподаваться и русский язык. В средней школе должно было постепенно увеличиваться число предметов, преподаваемых на русском, чтобы к двум последним классам практически полностью исключить использование польского языка. Исключением должны были стать католический Закон Божий и польская словесность, где польский сохранялся [Дякин 1998, с. 369].

Заключение

Деятельность МНП и варшавского генерал-губернатора по введению польского языка в преподавание была направлена на сохранение правительственной школы, бойкотировавшейся населением. Предложения варшавского генерал-губернатора, высочайшие рескрипты за подписью императора, циркуляры Министерства народного просвещения иллюстрировали неустойчивость позиции правительства в вопросе о национальной польской школе. Колебания от провозглашения незыблемости позиций государственного

¹³ Толстой И.И. Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 165.

языка до предложений о распространении польского языка во всех типах учебных заведений не добавляли правительству авторитета и не стабилизировали ситуацию уже потому, что всегда были свидетельством уступок под влиянием требований масс. Кроме того, идеи равноправия национальностей, которые предполагал реализовать И.И. Толстой в Царстве Польском, предлагая создать как польскую, так и литовскую национальную школу, не учитывали всей сложности межнационального взаимодействия в регионе.

Позднее И.И. Толстой писал, что уступки, сделанные правительством, в других условиях были бы встречены с энтузиазмом как направленные на восстановление польского языка в школе. Но они «запоздали, по крайней мере года на три-четыре, а нервозность эпохи сделала то, что они не только не принесли никакой пользы, но стали источником новых бед... Русская администрация в Польше, так и сами поляки увидали в новшествах те крайние уступки, на которые согласно идти правительство; поэтому администрация считала себя вправе... ограничить данные права <...>, поляки, со своей стороны, стали толковать меры в смысле расширительном, надеясь этим способом... перескочить через поставленный... барьер»¹⁴. Население по-прежнему бойкотировало правительственную школу, особенно начальную, в частных учебных заведениях доминировал польский язык вопреки действовавшему законодательству. Управление Варшавского учебного округа и администрация генерал-губернатора пошли по пути давления, закрывая школы, отказывавшиеся полностью от русского языка. В итоге, по замечанию Толстого, «вся школьная жизнь края замерла, польские дети перестали ходить в учебные заведения и продолжали функционировать с грехом пополам только казенные русские учебные заведения, которые под охраною полиции, а иногда и войск, стали посещать только немногочисленные дети русских и еврейских семей, находясь под ежечасным страхом разгрома со стороны патриотов»¹⁵. В 1907 г. в Варшавском генерал-губернаторстве констатировали ее «полный развал за три года смуты»¹⁶.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00426 А.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project number № 20-09-00426 А.

¹⁴ Толстой И.И. Мемуары графа И.И. Толстого. С. 162.

¹⁵ Там же. С. 163.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 1210. Оп. 1. Д. 71. Л. 4.

Литература

- Бахтурина 2013 – *Бахтурина А.Ю.* Государственная власть и общественно-политическая элита на западных окраинах Российской империи (1905–1907 гг.) // *Российская государственность: опыт 1150-летней истории*. М.: Ин-т российской истории РАН, 2013. С. 272–286.
- Дякин 1998 – *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (материалы к исследованию). СПб., 1998. 1000 с.
- Тымовский, Кеневич, Хольцер 2004 – *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М., Весь мир, 2004. 544 с.

References

- Bahturina, A.Yu. (2013), “*Gosudarstvennaya vlast’ i obshchestvenno-politicheskaya elita na Zapadnyh okrainah Rossijskoj imperii (1905–1907 gg.)*” [State power and socio-political elite in the Western borderlands of the Russian Empire (1905–1907)] // *Rossijskaya gosudarstvennost’: opyt 1150-letnej istorii* [Russian statehood. An experience of the 1150-year history], Institut Rossijskoj istorii RAN, Moskva, Russia, pp. 272–286.
- Dyakin, V.S. (1998), *Natsional’nyj vopros vo vnutrennej politike tsarizma (materialy k issledovaniyu)* [The nationalities question in the internal policy of tsarism (research papers)], Sankt-Petersburg, Russia.
- Tymovskij, M., Kenevich, Ya. and Hol’tser, E. (2004), *Istoriya Pol’shi* [History of Poland], Ves’ mir, Moskva, Russia.

Информация об авторе

Александра Ю. Бахтурина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; b-a-t13@mail.ru

Information about the author

Alexandra Yu. Bakhturina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; b-a-t13@mail.ru